

Ровно в пять тридцать вечера Фан Сынун вышел из дома. Ему удалось быстро привести себя в порядок: от давешней минутной слабости в ванной не осталось и следа, утренняя апатия почти улетучилась, и лишь едва заметная краснота вокруг глаз выдавала его недавнее состояние.

Завернув за угол к лифтам, он заметил серую фигуру, скорчившуюся у мусорного бака. Сынун удивленно приподнял бровь, подошел ближе и слегка поддел съездившийся живой комок носком туфли.

— Вставай. Тебе самому не стыдно тут позориться?

Пу Тяньбай, который уже вовсю клевал носом, мгновенно встрепенулся. Разглядев Сынуна, он уставился на него самым несчастным взглядом.

— Братец, ты всё еще злишься на меня?

Сынун проигнорировал вопрос, уставившись на светящееся табло над дверями лифта.

— Братец, ну виноват я, бес попутал, — Пу Тяньбай нехотя поднялся на ноги, продолжая тихо каяться. — Прости меня на первый раз, а?

Раздался тихий звонок. Створки лифта разошлись. Сынун шагнул в кабину и, обернувшись, бросил через плечо:

— Чего застыл? Заходи.

— Иду! — Пу Тяньбай шагнул вперед и тут же придушенно взвизгнул.

— Ты чего? — нахмурился Сынун.

Боясь, что капризный покровитель окончательно выйдет из себя и бросит его здесь, парень, преодолевая боль, запрыгнул в лифт и вымученно улыбнулся:

— Ногу отсидел... затекла...

Сынун по-прежнему хранил молчание. Спустившись на подземную парковку, он уверенным шагом направился к своему парковочному месту. Пу Тяньбай трусил следом, преданно заглядывая в глаза и монотонно, точно заезженная пластинка, бубня извинения.

— Ладно тебе, замолчи, — Сынун щелкнул брелоком, открыл дверцу и сел за руль. — Спросишь обо всем сам, когда приедем. Мое дело — просто постоять рядом.

Пу Тяньбаю потребовалось пара секунд, чтобы осознать услышанное. От радости у него едва голова не закружилась. Он тут же потянул на себя ручку передней пассажирской двери, но под тяжелым, предостерегающим взглядом Сынуна мгновенно отдернул руку. До него вовремя дошло, что переднее сиденье в этой машине — святая святых, соваться туда посторонним строго заказано. Смущенно кашлянув, он покорно полез на заднее сиденье.

Когда машина вырулила с парковки на городскую улицу, Пу Тяньбай запоздало спохватился:

— Погоди, братец... Но у меня же нет приглашения!

— Не переживай. Провести с собой одного человека я смогу, — ровно ответил Сынун.

Пу Тяньбай с тоской оглядел свою огромную черную футболку и поношенные джинсы.

— Да я и одеться нормально не успел... Выгляжу как оборванец.

— Ерунда, тебя там все равно никто не знает.

—... — Парень едва не разрыдался. — Спасибо, братец. Утешил так утешил.

Сжавшись на заднем сиденье, Пу Тяньбай украдкой разглядывал профиль Сынуна, и в голове его зароились невеселые мысли. Сам он учился на актерском факультете и приходился Сынуну младшим товарищем по киноакадемии. Когда Пу Тяньбай только поступил, его будущий покровитель оканчивал четвертый курс. Из-за путаницы с расселением их на год определили в одну комнату общежития.

К моменту их знакомства Сынун уже два года встречался с Юй Цюся. Пу Тяньбай мало что смыслил в тогдашних сплетнях, но до него долетали обрывочные слухи, будто Сынун ухаживал за Юй Цюся с невероятным, сумасшедшим размахом, о котором гудела вся академия.

Впрочем, дела эти давно минули, и Пу Тяньбай подозревал, что молва сильно преувеличивала масштаб событий. Ему просто не верилось, что этотечно хмурый, неразговорчивый старшекурсник когда-то устраивал романтические безумства ради чьей-то благосклонности.

Будучи выпускником, Сынун вместе с Юй Цюся снимал квартиру за пределами кампуса и в общежитии почти не появлялся. Их общение с Пу Тяньбаем сводилось к редким кивкам при встрече, расспрашивать о личном повода не представлялось, а вскоре Сынун и вовсе получил диплом. Если бы судьба не свела их снова уже после выпуска, старший товарищ вряд ли вспомнил бы даже фамилию бывшего соседа.

Два года назад они расстались. Поговаривали, инициатором разрыва стал Юй Цюся. Тогда в студенческих чатах поднялся невообразимый переполох, все сокрушались и охали, а некоторые особо любопытные даже пытались донимать расспросами Пу Тяньбая. Тот лишь

неловко отмалчивался. С одной стороны, он числился в приятелях у обоих, но с другой — знал об их личной жизни не больше рядового обывателя. Во время учебы они едва пересекались, а когда позже начали изредка ужинать вместе в общих компаниях, Сынун и Юй Цюся производили впечатление классической, давно устоявшейся семейной пары. Всё у них было настолько ровно и обыденно, что лезть к ним с расспросами о прошлом казалось глупостью.

А когда Пу Тяньбай начал встречаться с Юй Иньинь, собирать сплетни о ее старшем брате стало и вовсе неприлично. Из-за всех этих условностей подробности их прошлых отношений так и остались для него тайной за семью печатями, а уж истинная причина расставания — и подавно.

Тем не менее два года — срок приличный. Пу Тяньбай искренне полагал, что Сынун давно переболел этой историей. К тому же Иньинь пропала, паника затуманила разум, и только поэтому сегодня он решился заговорить о Юй Цюся. Но судя по всему...

Пу Тяньбай бросил взгляд на напряженный затылок Сынуна и тихо вздохнул. До "переболел" его старшему товарищу было еще очень и очень далеко.

Прием режиссера Вань Чуньхуа проходил на загородной вилле. По какому именно поводу устраивалось торжество, Пу Тяньбай не знал — человеку его полета пригласительный билет не светил ни при каких раскладах. Да и для большинства гостей повод значения не имел: подобные вечеринки устраивались ради того, чтобы лишний раз мелькнуть в свете и завязать нужные знакомства.

В своей неформальной одежде Пу Тяньбай смотрелся среди нарядной толпы белой вороной. Осознавая это, он старался не отвечивать, скромно держался на полшага позади Сынуна и усердно изображал преданного ассистента. К счастью, за Сынуном в индустрии давно закрепилась репутация нелюдимого буки. От него за версту веяло таким ледяным безразличием, что вокруг них образовался невидимый барьер отчуждения. Изнеженная публика инстинктивно сторонилась их, и хотя любопытные взгляды на них косились, подойти и заговорить никто не решался.

Лишь когда сам хозяин дома, Вань Чуньхуа, вышел поприветствовать гостей и перехватил Сынуна, суровое выражение лица последнего слегка смягчилось.

И в этот самый момент Пу Тяньбай увидел Юй Цюся.

Возможно, дело было в предвзятости, но Тяньбаю показалось, будто этот человек вошел в зал под прицелом невидимых софитов, окруженный немим восхищением толпы. Будучи режиссером, а не актером, он ухитрялся затмевать собой самых ярких звезд экрана, торговавших исключительно смазливими лицами.

Юй Цюся. Когда Пу Тяньбай впервые услышал это имя, означающее "яшму без изъяна", он искренне недоумевал: какими высокомерными должны быть родители, чтобы наречь ребенка столь претенциозно, и какой груз ответственности ложится на плечи бедняги? Да и вообще,

способен ли хоть кто-то соответствовать такому идеалу?

Но стоило ему однажды увидеть Юй Цюся вживую, как все сомнения отпали. Образ безупречной красоты обрел плоть. Высокий, изящный, с тонкими чертами лица и завораживающим взглядом миндалевидных глаз. Его длинные шелковистые волосы струились по плечам, а каждое движение и улыбка дышали природным аристократизмом. Он казался небожителем, случайно забредшим в мир смертных. Глядя на него, Пу Тяньбай невольно признал: этот человек действительно соответствовал своему гордому имени.

Такие люди кажутся недостижимыми, поэтому, когда угрюмый и небогатый студент Фан Сынун взялся ухаживать за ним с поистине безумным упорством, окружающие лишь посмеивались, предвещая ему скорый провал. К общему изумлению, крепость пала. Их роман продлился целых шесть лет, заставив скептиков утереть носы.

Но у красивых историй редко бывают счастливые финалы. Ныне у досужих сплетников появился новый повод почесать языками. Стоило в компании зайти разговору об академии, как обязательно кто-нибудь картинно вздыхал, вспоминая былую легендарную пару, и с фальшивым сочувствием добавлял: "И все-таки они разошлись. Что и требовалось доказать".

Оказавшись на свободе, Юй Цюся пустился во все тяжкие. Слухи утверждали, что его новая разгульная жизнь затмила былые кутежи, и злые языки тут же связали это с тем, что Сынун попросту задушил возлюбленного своей тиранической опекой. Сами виновники пересудов никак не комментировали происходящее. Каждый жил как умел: один предавался веселью, другой погружался в добровольное затворничество. Сынун стал еще мрачнее, а Юй Цюся, словно прекрасный мотылек, упорхнул обратно в светскую круговерть. Он вернулся в родную стихию блеска и порока с легкостью рыбы, выпущенной в океан.

Вот и сегодня на нем красовался белоснежный дизайнерский костюм. Рукава, воротник и линия талии были отделаны изящным белым кружевом, гармонизировавшим с кружевной лентой в его волосах. Смелый, почти провокационный наряд, который на любом другом мужчине смотрелся бы нелепо, на Юй Цюся выглядел органично, уподобляя его хрупкой, мимолетной снежинке. Едва переступив порог, он приковал к себе десятки восхищенных взглядов. Он щедро раздавал улыбки, порхая от одной группы гостей к другой, непринужденный, яркий и совершенно недостижимый. Здесь было его законное место.

Тяньбай заметил его появление — заметил его и Сынун. Воздух вокруг фотографа будто остыл еще на несколько градусов. Собеседник Сынуна, режиссер Вань Чуньхуа, зябко передернул плечами, проследил за его взглядом и понимающе похлопал ученика по плечу.

Знаменитый мэтр киноиндустрии, чье имя красовалось во всех учебниках по режиссуре, в жизни оказался добродушным, кругленьким и очень домашним стариком. Вань Чуньхуа преподавал в академии, когда-то разглядел в Сынуне талант и открыл ему дорогу в профессию, а кроме того, поддерживал давние дружеские связи со старшим поколением семьи Юй. Словом, во все перипетии чужой личной жизни он был посвящен как никто другой.

— Сынун... — мягко проговорил старик. — Я ведь не раз тебе повторял: излишнее упрямство до добра не доводит. Нельзя так терзать себя.

— Знаю, — Сынун опустил голову, позволив длинной челке скрыть глаза. — Я помню ваши слова, учитель.

— Пойдешь поздороваешься? — спросил Вань Чуньхуа. — Мне как раз нужно засвидетельствовать ему почтение.

— Ступайте один, — глухо ответил Сынун. — Я присоединюсь позже.

Режиссер со вздохом покачал головой:

— Что ж, воля твоя. Осмотрись тут пока, развейся. Ты же молодой парень, учись радоваться жизни, улыбайся почаще.

С этими словами старик засеменил вглубь зала, направляясь напрямиком к блистательному Юй Цюся.

Едва мэтр отошел, Пу Тяньбай тут же пристроился к боку Сынуна:

— Братец...

Сынун с усилием оторвал взгляд от белого силуэта в толпе, рассеянно подцепил с фуршетного стола крошечное пирожное и отправил его в рот.

— Подойдем, когда вокруг него станет посвободнее, — хмуро бросил он.

Но изысканный десерт показался пресным, точно сухой песок. Горло сдавило спазмом, мешая сделать даже глоток.

Чтобы протолкнуть застрявший ком, он схватил ближайший бокал с напитком и сделал большой глоток. Жидкость оказалась крепким авторским коктейлем со странным, горьковатым привкусом целебных трав. Смешавшись со сладостью крема, этот аптечный букет вызвал резкий приступ тошноты. Чертыхнувшись про себя, Сынун поставил бокал и поспешил к лестнице на второй этаж, где находилась уборная. В особняке учителя он бывал часто и планировку знал наизусть.

У самых дверей ванной комнаты он разминулсся с выходящим мужчиной. От незнакомца пахло необычным парфюмом — свежим зеленым мандарином и пряным розмарином. Сынун невольно проводил его взглядом. Мужчина миновал коридор и скрылся за дверью одной из гостевых спален.

Склонившись над раковиной и тщательно прополоскав рот холодной водой, Сынун вспомнил лицо незнакомца. Это был Хуа Тяньсяо, популярный ныне юный идол. Его агенты совсем недавно оббивали пороги фотостудии Сынуна, пытаясь заказать эксклюзивное портфолио, но из-за плотного графика тот был вынужден им отказать.

Мысли о работе немного отвлекли его, и дурнота отступила. Приведя себя в порядок перед зеркалом, Сынун вышел в коридор и столкнулся лицом к лицу с одним из уважаемых коллег по цеху, который как раз направлялся на открытую террасу покурить. Отказываться от предложенной сигареты было невежливо, да и Сынуну сейчас отчаянно требовалось успокоить нервы. Он молча кивнул и последовал за старшим коллегой на свежий воздух.

Когда сигарета догорела и Сынун вернулся в дом, у самой лестницы краем глаза он уловил быстрое движение — мимолетный просверк белого шелка. Дыхание перехватило. Он резко повернул голову, но успел заметить лишь то, как бесшумно закрылась дверь той самой гостевой комнаты, куда незадолго до этого вошел Хуа Тяньсяо.

<http://bllate.org/book/20607/2105880>